

Илья Сергиевский

Параллельно

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
С32

Сергиевский И.

Параллельно / Сергиевский И. — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2021. — 71 с.

ISBN 978-5-532-93399-6

У каждого свой персональный Питер. Каждого питерский дом может взять к себе ,в себя, и распахнув окна, прокатить по улицам, переулкам и столетиям. Главное, не ошибиться домом и подружиться с ним. Увлекательное путешествие по Санкт-Петербургу от первого лица. Автор прошёл каждый сантиметр этого маршрута и с удовольствием покажет все тайные места... Содержит нецензурную брань.

Если вы собираетесь это читать, то не надо. Так ведь у Бегбедера? Ничего вы тут не найдёте, но и не потеряете. Впрочем, если у вас есть какие-то планы на неделю, остановитесь и шарахните винишка. Алкоголь в малых дозах безвреден в любых количествах. Уверяю. Я тысячи раз так делал.

Может, и планов после не будет. И именно где-то здесь тончайшая грань между «чуть пригубить» и «в процессе прочтения просто налупиться в слюни». Но мы эту грань не перейдём. Ибо чётко есть понимание, где кончается удовольствие и начинается срам.

А зачем планы такие, если вино важнее их? Вот задайте этот вопрос себе. И жизнь ваша станет проще. Любое действие без плана верное. Это вообще ДЗЕН.

Ну что ж, как вы уже поняли, речь пойдёт о жизни в Питере. Этот город излечивает от выгорания. Пожив в нём, однозначно скажете городу спасибо. Спасибо, Питер, за ответы. Ну, если не забудете вопросы, конечно.

Я живу в центре Питера.

Нет, не на Невском. Как можно жить на Невском?

Брррр. Я живу на одной улице, которая с Невского начинается и заканчивается на другой через километр. Улица эта в липах и немножко так сабелькой загибается к Невскому проспекту. Самым кончиком. Так кокетливо мизинчик оттопыривают, когда чай-кофе пьют манерные люди.

Фаллический изгибец такой. Изгибон. Для задоринки.

Эта улица кокетливая. Факт. Раньше она называлась Надеждинская.

От Надежды. Не Наденьки. Сестры Веры и Любви. А надежды. Последней. Тут когда-то была больница, куда свозили людей с чахоткой со всего Питера. И ничего у них не оставалась, кроме неё, родимой. Надежды.

А до этого... Если штопором вскрыть время и как пробку вытянуть прошлое. Она называлась Средним проспектом. Ого! А ещё один виток. Средняя полковая. Ух, ты. А ну глубже – Шестилавочная.

ШЕСТЬ лавок стояло. ОГО. Вот интересно же где? И чем торговали? И всё? Нет. Средняя перспектива ещё. Ух. Всё, кажется. Дальше просто дорога в лесу.

Когда на улице этой многоликой что-то делают с асфальтом, иногда можно увидеть старую мостовую. Она тут же. Где и была и никуда не делась. КТО БЫ МОГ ПДУМАТЬ, ЧТО ЕЩЁ СТО ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЕХАТЬ, НУЖНО БЫЛО ЗЕРНО И СЕНО. А ВОТ СЕЙЧАС ЖИДКОСТЬ.

Невский я не вижу. Если с балкона вправо смотрю. Мизинчик мешает. Ну, так и потеря невелика.

Вторая же улица слева сразу начинается. Почти под балконом. И прямая, как меч, летит с Литейного проспекта до Суворовского. Сомнений нет, Литейный – это гарда меча, а всё остальное клинок. Летит клинок в длинном выпаде мимо Таврического сада. И, неожиданно согнувшись, возле Суворовского музея всё же протыкает Суворовский же проспект насквозь и вязнет в каких-то уличных кривых кишках, чуть не достав до Невы. Всё же это не меч, а сабля. Хотя, возможно, и меч, но может, и сабля.

Туше!

Улица эта по лютеранской кирхе называется. Кирочная. Она тут, рядом. Тоже за углом. Древняя. Можно сказать, с самого начала и видела всё. Загадочная и таинственная, словно пустая коробка.

На моих улицах страсть как много замечательных людей жило. Есть подозрение, что этот процесс, кстати, и не останавливается.

Вот, кстати, прямо на доме моём висит доска мраморная дядьке, который что-то изобретал с воздушными шарами. Как Жюль Верн и братья Монгольфьер. Первый, конечно, ничего не изобрёл, но написал про шары столько, что теперь если шар воздушный, то и Жюль Верн тут же.

На перекрёстке через пятьдесят метров жил Маяковский.

Маяковский! Володя. Глашатай революции! Прошу заметить. Тут он ЖИЛ. А умер насмерть в другом каком-то месте. Глашатай? Вот тоже слово. То ли Глаша, а то и Шалтай-Балтай.

Гикнуться можно просто. Это ж надо такое вообразить!

«Облако в штанах»! Но это всё же лучше, чем дым в голове. Или туман в заднице.

А за углом ещё хуже. Там Преображенский собор. И у него с одной стороны Корней Чуковский жил. Тот самый, который в умывальнике видел Мойдодыра. В стране Лимпопо доктора Айболита. Муху Цокотуху и ещё много всякой здешний дичи. Ещё он писал про тараканов, и я понимаю почему. Корнея уже давно нет, а вот тараканы имеются. Вполне возможно, кстати, что те самые.

У меня написать так никогда не выйдет. Богом клянусь. Гений, одним словом. Таракан, таракан, тараканище.

Сука, столько денег уже перевёл на тараканов этих. Борьба идёт до сих пор с переменным успехом. Но нечестная, если положить руку на сердце. Я-то и выше, и сильнее, и запрещённое оружие применяю. И всё же проигрываю.

В чём сила, брат? Я думаю, в похеризме. Тараканам похер. Они и сильней.

А с другой стороны чётко по диагонали от Корнея Бродский. Иосиф. Самый известный ленинградский тунеядец и поэт.

Говорят, что он невероятный. Судя по всему, до понимания его невероятности я ещё не дорос. Есть куда двигаться. Впрочем, он тут с рождения. И у него фора. Два слона, ферзь и джокер.

Я каждый раз, проходя мимо, смотрю на его балкон с недоумением. Бродский мне не нравится.

Вот ведь хотел забыть про него, но сказал.

Кстати, даже сам наш президент зачем-то родился тоже здесь. Рядом с Леонидом Утёсовым. Но быстро уехал.

И стал президентом России. Три раза!!! Или четыре раза?

Доски пока нет.

А дальше по улице вообще, прости господи, сам Хармс.

Хармс!!!

Это первый поэт, который разорвал мой неокрепший жидкий мозг своей питерской дурью. Я раньше думал, что он сумасшедший, если честно.

Но нет, я тут пожил. Всё нормально.

Тут так! И не иначе!

Я не работаю. С Бродского беру пример. С Нобелевского лауреата. Кстати, вот не слышал я ни разу, чтобы лауреатом премии этой вдруг стал слесарь. Или токарь. Или просто водитель чего-нибудь.

Но мне это жить не мешает. Скорее, наоборот. Нет ни плана жизни, ни порядка в ней. Вы думаете, вот легко просто жить и не иметь плана жизни? И порядка?

Да!!!

Это охерительно.

Живёшь! Живёшь и живёшь. Словно хочешь кого-нибудь удивить.

Везде люди, люди, люди и рюмочные.

Как вы считаете, здесь можно думать о вечном?

Ну а где ещё? Вот разве что в горах или на море. Так этот город и есть море. Да и горы тоже.

Мой дом красноватый. Прекрасно-уродливый. С балконами. С железной крышей и какими-то круглыми окнами на чердаке. Двумя.

Оттуда вылетают голуби и рассаживаются на карнизе двухэтажного дома напротив. В моём районе это самое большое голубиное скопление. Их много, так что они вытоптали целый газон, и на нём весной трава уже совсем не появляется.

Их кормят. Многие. Но есть один чел, которого они начинают встречать издалека и нарастающим трепыхающимся облаком окутывают его. Они его знают как родного. Как своего.

Я давно наблюдаю за ним, а вот историю его узнал только недавно.

Она проста и незатейлива. Как всё прекрасное.

Жил-был один человек. И у него умерла жена. И приснилось ему, что она стала голубем. Вот, собственно, и вся история.

В ней есть всё. И любовь. И голуби. И Питер. И навсегда.

И, слава Богу, что такие люди есть.

Мой дом углом выходит на улицу Кирочную и ещё боковой стеной. А фасадом на Маяковскую. Хоть по длине он вроде равен и там, и тут. Так с чего же фасад непременно на Маяковскую? Я думаю, потому что с Маяковской два подъезда. А с Кирочной один. Но это не точно. Так как дойдёт время до нумерации квартир, сразу станет ясно, что с логикой тут беда.

Если случится война, это идеальное место для обороны. Стратегическое. Я с кунаками заблокирую сразу два направления простым смешным пулемётом. И никто не обойдёт меня с тыла. Потому что тыла там нет. Там Литейный проспект. А он мне не нравится. Потому что колючий какой-то. И ни одного деревца. Как шпага.

По нему я не хожу. В основном пересекаю. Под лязг машин и чего-то ещё. Специфически литейного.

Вот тут я и сижу сычом осенью. В доме этом. Вспоминаю и перебираю, как струны, светлые мгновения тёмного прошлого. Я люблю свои грехи и упорствую в них. Греховодник и грехолюб. Зимой сижу тоже. Так как понятие осени и зимы в Питере очень размыто. Зыбкие границы между хлябями небесными и потусторонним мокрым сумраком. И даже снег ни фига не делит эти такие разные где-то сезоны пополам. Вот и сейчас за окном ничего не значащий первый снег, но который важен для меня.

Открытыми ладонями глаз я смотрю на это чудо и молчу. Маленькие замёрзшие ангелы. И каждый неповторим. Ты смотришь на них из тёплого окна своего дома и понимаешь. Это рубеж. Какой-то. Какой-то период кончился. Что-то изменилось. Вот прямо сейчас. Я бы Новый год считал по первому снегу. В этом хоть какая-то логика. А не просто переворачивать календарь.

Два газончика внизу. По Маяковской. Мы недавно решили там пшеницу посадить. Ну там, где голуби.

Или рожь. Не решили ещё. А то земля в центре города пропадает. Дворники газоны вспахивают поздней весной и траву сеют. А тут мы. Наденем холщовые белые рубахи и чистое бельё. Как выскочим ночью с пацанами. Под луной. Пусть она освещает наши бледные взволнованные лица. И пойдём босые по земле русской...

Весной тут по-другому.

Весной всегда хочется чего-то нового. Мне вот иногда хочется залезть с нехорошим лицом на дерево и не слезать. Но слезать надо, иначе вызовут ветеринара.

Да ладно с этими зыбкими сезонами. Что тут у нас сейчас?

А внизу ещё три кабака и проститутская баня. Рядом с газончиками.

Я вот прямо тут во всём этом.

Мне повезло.

Мне очень нравится сидеть на балконе и смотреть, как ведут проституток в баню. С балкона всё по-другому. Все женщины кажутся красивыми. Я полностью согласен, что снизу они какие угодно. Кривые, косые, с носами. Вот, кстати, с носами. Боже, да какие угодно у них могут быть носы. Хоть вообще без носа.

Но с балкона все красивые. Как в «Инстаграме». По воскресеньям мимо балкона ходят люди в большом количестве. Выкрикивая индийские слова. Отвечаю им так же. И чтобы порадовать ещё больше, ставлю им индийскую песню «Джимми, Джимми, ачо-ачо». И приветливо им машу. Руками. Видя меня, они радуются ещё больше, чем я, и называют меня Кришной в Раме. И ещё почему-то Харей.

Район у меня восхитительный. Консульский. Консульства сплошные прямо за любым углом. И я их с балкона вижу. Слева американское. Чуть правее литовское, а сзади, там, где я ничего не вижу, – финское.

Раньше я рассматривал дома и квартиры в бинокль. И, что характерно, когда изучал направление американского сектора, сразу же наткнулся на проститутскую квартиру. И с удовольствием потом её показывал друзьям. Даже иногда помахивал им с друзьями. Проститутки несколько раз махали в ответ, но дальше дело не пошло.

Всё же народ озлобился чуть в Питере. Могут вызвать полицию просто за то, что им приветливо помашешь членом с балкона. Иногда я чувствую, что мне это нужно для душевного спокойствия. Ничего не поделаешь. Выходишь на балкон, машешь. Ну и что? Я не обязан

быть ангелом – живу не раю. Я часто веду себя как придурок, впрочем, и вам советую.

Может, я и глуп, а может, и счастлив.

Тут мой дом со мной внутри и стоит. Он стоит большей частью по Маяковской, но необъяснимой логикой числится всё же по Кирочной. В каком порядке квартиры расположены, лучше вообще не спрашивайте.

Я считаю, что просто играли в лото и так же выдавали цифры. Может, Бродский с Хармсом и играли. С них станется. Да ещё и мухлевали.

И не важно, что они жили в разные годы. Здесь это значения не имеет.

Люди, жившие тут, оставили свои души. Они всегда здесь. Рядом.

А в соседнем доме, с которым у меня стены граничат, уже сто с чем-то лет назад самого Распутина видели в ресторане, танцующего пьяным на столе и размахивающего срамной удой. Так написано в «Петербургских ведомостях».

Ей-богу, не вру. Повторюсь, ничего не поделаешь. Место, видать, такое.

Завернув за дом, можно увидеть собор. Или услышать его. Сейчас многие ходят в церковь в свободное от грехов время. Опасайтесь людей верующих. Искренне советую. У них есть какие-то боги, которые им всё прощают. Я же не хожу.

Собор жёлтой чернильницей прячется за деревьями, пушками бронзовыми огородившись. Пушки настоящие, без дураков. Наши их у турок отжали. А тем их французы поставили. Пушки эти чего только не видели. И те турецкие сражения за юг нашей страны, и революцию, и блокаду. С южной стороны ограды можно до сих пор увидеть страшные удары по ним стальных осколков. От немцев. И если проследить траекторию, можно даже понять, где эта блядская бомба упала.

Дальше Бродский и Литейный, но они мне не нравятся.

Я говорил уже? Или нет?

Дойдя до собора, мне нравится свернуть направо через микроскопический переулок и оказаться вновь на углу своего дома. Тут

чуть левее, в каком-то сказочном сквере, и спрячется древняя кирха, давшая название этой улице.

Ой, а что же это у меня в руке? Ба, да это же винцо. Как оно тут? Откуда? Необъяснимая магия осеннего города. Вроде и мысли были благостные. Собор опять же. Кирха. Везде святые места. Хотя в этом и ответ. Ведь алкоголь в переводе с арабского и есть Святая вода.

Ничего теперь не поделаешь. Не богохульствовать же. Мысли становятся лёгкими, как весенние капельки. Все заботы и тревоги сразу позади.

Говорят, что истина в вине, но, в каком именно, никто не говорит. Пью «Кадарку» – нет истины. Пью «Мерло» – и тут нет. Очень страшно спиться и не познать истины.

А вы?

Кем вы мечтаете стать, когда выпьете?

Дружу ли я с алкоголем? А с чего мне с ним ссориться, скажите? Бухать – это вам не отношения. Просто так не бросишь. Хотя бухать – это нечто другое.

Истина, наверно, всё же в коньяке. И в осени.

Обречённо, но как-то и радостно иду домой. Всё пропало. Никакой общественной программы не будет. Конец прогулки.

Осень. В ней начинают происходить странные вещи. Вот по обыкновению дёрнул винца и, проходя мимо зеркала, подмечаешь.

Хорош. До чего ж хорош-то. И румян, и пригож, и брови домиком. В анфас чисто лев. А в профиль так вообще орёл.

Вытянул ещё пару стаканов... Мать честная... Ален Делон как минимум. Да какое там? Лучше.

И всё у тебя гнётся в любую сторону, как у кота. А руках силища богатырская. Хоть китов души.

А ловок-то как? Вот прямо сейчас готов на дерево залезть. И даже слезть, и всё это, прошу заметить, хохоча.

И так, и эдак – ну вот всё удаётся. И мечтать больше не о чем. Нет предела совершенству. Но приходит однажды светлая, как светодиод, мысль.

Не пить, нах! Вот так вот. Так как. Вот такой я человек.